

Михаил Арчимаев

Метод Кукловода: Игра в поддавки

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Максим Арчимаев

**Метод Кукловода:
Игра в поддавки**

«Автор»

2026

Арчимаев М.

Метод Кукловода: Игра в поддавки / М. Арчимаев — «Автор»,
2026

Он не убивает. Он убеждает. Три самоубийства за месяц. Успешные, здоровые люди. Одна записка: «Я так решил». Один психотерапевт: доктор Крест. Бывший профайлер Алексей Воронов берётся за дело, которое полиция уже закрыла. Он быстро понимает: Крест не даёт указаний. Он не угрожает. Он просто разговаривает. И люди умирают — сами. Юридически он чист. Психологически — убийца. Воронов решает проникнуть в его метод. Но чем глубже он копает, тем яснее понимает: Крест с самого начала вёл игру против него. И следующая жертва — сам Воронов. «Вы не обязаны жить. Это факт».

© Арчимаев М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Максим Арчимаев

Метод Кукловода: Игра в поддавки

Глава 1

Последний шаг

Андрей Морозов, 44 года, архитектор

Он стоял на краю крыши и считал.

Не шаги — их было ровно четыре до парапета. Он считал причины. Их было много, и все они были уважительными.

Бизнес. Стабильный, прибыльный, но пустой. Двадцать лет он рисовал здания, которые никогда не увидит изнутри. Проекты, сметы, согласования. Люди платили ему за то, чтобы он придумывал им стены.

Жена. Ирина спала в соседней комнате уже третий год. Не ссорились — просто перестали разговаривать. Утром он варил кофе, она уходила на работу. Вечером она возвращалась, он сидел в кабинете. Иногда они смотрели телевизор. Молча.

Сын. Живёт в другом городе, звонит по праздникам. Говорит «пап, всё нормально», и это всё, что Андрей знал о его жизни.

Дождь кончился час назад. Воздух был мокрый и холодный. Ноябрь. Внизу горели окна офисов — жёлтые квадраты в серой темноте. Люди работали. Люди жили.

Андрей сделал шаг.

Не к парапету. Просто шаг. Ноги замёрзли в тонких ботинках.

Он вспомнил последнюю сессию. Доктор Крест сидел в кресле напротив, сложив руки на коленях. Тихий голос. Никакого давления.

— Андрей, — сказал он. — Я хочу, чтобы вы кое-что поняли. Это не обязательно должно изменить вашу жизнь. Просто подумайте об этом.

— О чём?

— Вы не обязаны жить.

Андрей тогда засмеялся. Нервно.

— Это что, терапия такая?

— Это факт, — сказал Крест. — Вы родились без согласия. Вас никто не спрашивал. Вас учили, что жизнь — это ценность. Но ценность — это то, что вы выбираете сами. Если вы не выбирали жизнь — вы её не выбрали. Вы просто живёте. Есть разница.

— И что? Мне теперь прыгнуть?

— Нет. — Крест улыбнулся. — Я не говорю вам прыгать. Я говорю: вы свободны. Вы всегда были свободны. Просто не знали об этом.

Андрей вышел из кабинета с странным чувством. Не облегчения. Не отчаяния. Чего-то среднего. Как будто в комнате, где он жил всю жизнь, выключили свет — и он вдруг увидел, что стен нет. Что это не комната, а поле. И можно идти куда угодно.

Он шёл две недели. На работу, домой, снова на работу. Но что-то изменилось. Он перестал спорить с Ириной. Перестал проверять почту по вечерам. Перестал ждать выходных.

Он просто ждал.

И вот теперь стоял на крыше.

Второй шаг. Ближе к парапету.

Внизу проехала машина. Кто-то спешил домой. Кто-то ждал кого-то. Кто-то готовил ужин. Андрей подумал: если я прыгну, они не заметят. Город большой. Людей много. Одна жизнь — это статистика.

Он достал из кармана блокнот. Вырвал страницу. Присел на корточки, прижал к колену, написал:

«Я так решил».

Три слова. Ровным почерком. Как на чертеже.

Он не чувствовал страха. Не чувствовал боли. Только странное спокойствие. Как будто всё уже произошло. Как будто он просто смотрел запись своей жизни и знал, чем она закончится.

Третий шаг. Парапет.

Он положил записку на мокрый бетон. Придавил камешком. Выпрямился.

Город внизу мигал огнями. Где-то играла музыка. Где-то ругались. Где-то смеялись.

Андрей подумал: Я так решил. Но кто решил за меня?

Ответа не было. И это было нормально.

Он перешагнул.

Ветер ударил в лицо. На секунду — только на секунду — он почувствовал что-то похожее на сожаление. Не страх. Не раскаяние. Просто мысль: А ведь можно было ещё что-то сделать.

Но было поздно. Всегда поздно.

Он падал четыре секунды.

За это время он успел подумать о сыне. О том, как тот учился ходить. О том, как смеялся. О том, как сказал «пап, я не приеду на Новый год, извини».

Потом о Ирине. О том, как она улыбалась на свадьбе. О том, как они ездили в Крым. О том, как она сказала «я устала» и перестала с ним разговаривать.

Потом о докторе Кресте. О его тихом голосе. О его словах: Вы не обязаны жить.

И в последнюю секунду Андрей понял, что Крест был прав. Он не обязан был жить. Но он и не решил умереть. Он просто... перестал выбирать. Перестал хотеть. Перестал быть.

Это не самоубийство.

Это было согласие.

Через час его тело нашли. Через два — приехала Ирина. Через три — следователь оформил дело как самоубийство. Через четыре — записка «Я так решил» была приобщена к материалам.

Через неделю дело закрыли.

Никто не заметил, что за день до смерти Андрей Морозов отменил все встречи. Оплатил счета. Написал завещание. И удалил переписку с одним контактом в телефоне.

Контакт был записан как «Д.К.».

Глава 2

Человек, который считает грехи
Алексей Воронов

Дождь шёл третьи сутки. Воронов сидел у окна и смотрел, как капли разбиваются о стекло. Он не спал. Не потому, что не мог — потому, что не хотел. Сон был тратой времени. Время было единственным, что ещё имело значение.

На столе лежал диктофон. Старый, кнопочный, с потёртой кнопкой записи. Он купил его пять лет назад, когда понял, что память начинает его подводить. Не забывать — исказить. Он помнил события, но не помнил, что чувствовал тогда. Диктофон помнил.

Он нажал кнопку.

— Три самоубийства за месяц, — сказал он тихо. — Все — успешные. Все — с записками. Все — с одной фразой.

Он помолчал.

— «Я так решил».

Выключил. Посмотрел на город. Огни, огни, огни. Каждый огонь — чья-то жизнь. Чья-то история. Чья-то ложь.

Воронов знал, как выглядят настоящие самоубийства. Он видел десятки. Люди, которые прыгают, — не пишут записок. Они не хотят объяснять. Они хотят, чтобы всё закончилось. Люди, которые пишут записки, — хотят, чтобы их услышали. Это другая смерть. Это крик.

А эти трое не кричали. Они констатировали.

Он встал. Налил кофе. Не стал пить. Поставил чашку на подоконник и снова сел.

Пять лет назад он ушёл из органов. Не по собственному желанию — по настоянию. Он вёл дело серийного убийцы по прозвищу Хирург. Тот убивал женщин, аккуратно, методично, с медицинской точностью. Воронов вжился в его логику. Настолько, что начал понимать, почему тот делает то, что делает. И в какой-то момент перестал видеть разницу между собой и им.

Когда Хирурга задержали, Воронов пришёл на допрос. Не как следователь — как наблюдатель. Хирург посмотрел на него и улыбнулся.

— Вы же один из нас, — сказал он. — Просто ещё не поняли.

Воронов ударил его. Сломал челюсть. Два месяца в больнице. Хирург не подал в суд — сказал, что «понимает». Воронова отстранили. Через год он ушёл.

С тех пор он консультировал. Иногда — полицию. Иногда — частных лиц. Брал мало, работал редко. Старался не думать о том, что внутри него что-то сломалось.

Но иногда, ночью, когда город затихал, он слышал голос Хирурга: Вы один из нас.

Он не верил. Но и не спорил.

Телефон зазвонил в семь утра. Воронов не спал, поэтому ответил сразу.

— Алексей Андреевич? — Голос женский, уставший. — Меня зовут Ирина Морозова. Мне дали ваш номер. Сказали, вы можете помочь.

— Чем?

Пауза.

— Мой муж... он умер. Полиция говорит — самоубийство. Но я не верю.

Воронов молчал. Он слышал это сотни раз. «Я не верю». Жёны, матери, сёстры. Они никогда не верят. Иногда они правы. Чаще — нет.

— Почему вы не верите?

— Потому что он не был... — Она замолчала. — Он не был похож на человека, который хочет умереть. За неделю до смерти он был... спокоен. Слишком спокоен. Как будто всё решил. Но не смерть. Что-то другое.

Воронов взял ручку. Записал: спокоен. слишком спокоен.

— Вы можете приехать? — спросила она. — Я заплачу. Сколько нужно.

Он посмотрел на дождь. На кофе, который так и не выпил. На диктофон, который ждал.

— Диктуйте адрес, — сказал он.

Она жила в новостройке на окраине. Дом был дорогой, но безликий. Стекло, бетон, металл. Такие дома строят, чтобы продать, а не чтобы жить.

Ирина открыла дверь. Женщина лет сорока, уставшая, в чёрном свитере. Волосы собраны в хвост. Глаза красные — не от слёз, от бессонницы.

— Спасибо, что приехали, — сказала она. — Проходите.

Квартира была большой и пустой. Минимум мебели. На стенах — ничего. Как будто здесь не жили, а ждали.

— Я не знаю, с чего начать, — сказала Ирина, провожая его в гостиную. — Полиция сказала: записка, свидетели, всё очевидно. Но я знаю его двадцать лет. Он не мог.

— Расскажите, что изменилось.

Она села на диван. Воронов остался стоять.

— Месяца полтора назад он начал ходить к психотерапевту. Я не знаю, почему. Он не говорил. Просто сказал: «Мне нужно разобраться в себе». Я не возражала. Думала, это хорошо.

— Что произошло потом?

— Он стал... другим. Спокойным. Раньше он нервничал из-за работы, из-за счетов, из-за всего. А потом перестал. Я думала — помогло. А теперь...

Она замолчала. Воронов ждал.

— Теперь я думаю, что это было не спокойствие. Это было безразличие. Как будто он уже ушёл. Просто тело осталось.

Воронов подошёл к окну. Посмотрел на улицу. Дети шли в школу. Кто-то выгуливал собаку. Нормальная жизнь.

— У вас остались его вещи? Дневники, записи, телефон?

— Телефон у полиции. Но есть ноутбук. И блокнот. Он всегда писал в блокноте.

Она принесла ноутбук и тонкую кожаную папку. Воронов открыл папку. Почерк ровный, аккуратный. Архитектор. Люди этой профессии пишут, как чертят.

Последние страницы были пустыми. А перед ними — запись:

«Доктор К. прав. Я свободен».

Воронов перечитал. Дважды. Трижды.

— Кто такой доктор К.?

— Я не знаю. Он не говорил.

Воронов закрыл папку. Посмотрел на Ирину.

— Мне нужно знать имя психотерапевта.

— Я найду. У него были визитки. Где-то в кабинете.

Она ушла. Воронов остался один. Он смотрел на ноутбук. На папку. На окно, за которым шёл дождь.

Он не знал, что ищет. Но что-то в этой квартире было не так. Не в вещах — в воздухе. Как будто здесь кто-то был. Не муж. Кто-то другой. Кто-то, кто оставил след.

Ирина вернулась. В руке — визитка.

— Вот.

Воронов взял. Прочитал.

Даниил Крест.
Психотерапевт.
Кандидат наук.
Свобода воли — это выбор.

Он перевернул визитку. На обратной стороне — цитата:

«Ты не обязан жить. Ты просто можешь перестать».

Воронов положил визитку в карман.

— Я возьмусь, — сказал он. — Но мне нужно всё. Дневники, переписка, история болезни.
Всё.

Ирина кивнула.

— Спасибо.

Он вышел на улицу. Дождь усилился. Воронов поднял воротник и пошёл к машине. В голове крутилась одна мысль.

Ты не обязан жить.

Это не терапия. Это разрешение.

Он сел в машину. Достал диктофон.

— Дело Морозова, — сказал он. — Первый контакт. Психотерапевт — Даниил Крест.
Нужно проверить.

Выключил. Завёл двигатель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.